

Вадим Селин
Там, где живет мечта
Серия «Только для девчонок»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7524799
Вадим Селин. Там, где живет мечта: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-72871-8

Аннотация

Шура открыла в себе призвание к конструированию одежды и поняла – ее заветная мечта стать дизайнером! День за днем она рисовала эскизы, чтобы представить их на творческий конкурс в институт. Но девочку ждал настоящий удар: ее лучшая подруга Вика украла у нее все идеи моделей и выдала за свои. А когда Шура познакомилась с настоящим красавцем – приглашенным футболистом в их школьной команде, подруга снова перешла ей дорогу. Казалось, все надежды рухнули. Но неожиданно Вика предложила Шуре уговор: та поможет ей очаровать футболиста, а Шура, в свою очередь, нарисует новые эскизы. Согласится ли девушка отказаться от мечты своей жизни в обмен на симпатию парня?

Содержание

Глава 1. Знакомый эскиз	4
Глава 2. Птица другого полета	8
Глава 3. Кредит	13
Глава 4. Фартук моей мечты	16
Глава 5. Первое впечатление и второй удар	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Вадим Селин

Там, где живет мечта

Глава 1. Знакомый эскиз

Женщина была одета в элегантный бежевый сарафан, шею украшала некрупная бижутерия, ножки были обуты в сандалии, на голове кокетливая широкополая летняя шляпа, а на плече маленькая светлая сумочка. И весь этот ансамбль притягивал мой взгляд так, что я просто не могла отвести глаз.

Но если раньше я просто восхищалась красивой одеждой, то теперь оценивала ее с профессиональной точки зрения. Например, еще год назад не знала, что «пастельные» цвета – это все цвета, сильно разбавленные белым. Они отличаются нежностью, мягкостью, легкостью, неинтенсивностью. Ну а ансамбль – это сочетание одежды и аксессуаров. В данном случае, союз сарафана и бижутерии с сумочкой, ведь бижутерия и сумочки – это аксессуары, то есть дополнение к одежде.

Вроде бы правильно запомнила все термины. Главное, от волнения не запутаться, если меня вдруг спросят.

Я вновь взглянула на отлично одетый манекен. Хороший сарафан, как раз для начала мая. А в особенности для сегодняшнего дня – солнечного и теплого.

– Ой! Да я же опаздываю! – испугалась я и, прижав покрепче папку с работами, со всех ног помчалась к газетному киоску, возле которого меня уже ждала Вика.

Хоть я и не опоздала, но Вика уже нервно вертела головой по сторонам.

– Ну куда ты пропала?! – увидев меня, воскликнула она. – Вот вечно ты впритык! Мы опоздаем!

– Не опоздаем! Мы договорились встретиться в двенадцать тридцать, и я пришла ровно в двенадцать тридцать, – пытаюсь отдышаться, заметила я.

– Пойдем уже, горе ты мое луковое, – вздохнула Вика, и мы заспешили к Досуговому центру детей и молодежи.

Чем ближе к нему подходили, тем страшнее мне становилось. Сейчас придем, приготовимся, и начнется конкурс. И все узнают, кто станет победителем.

Я ждала этого момента два месяца. Но тогда, два месяца назад, была спокойной и с нетерпением желала, чтобы этот день скорее наступил. Когда осталась неделя, я заволновалась. Когда остался день, места себе не находила. Теперь же до начала конкурса оставался всего лишь час! И меня просто трясло от волнения.

Я увидела здание Центра. Над входом висела растяжка «10 мая – конкурс юных дизайнеров».

Именно в этом конкурсе мы и участвовали.

Мы с Викторией учились в одном классе и почти два года назад записались на кружок дизайна и шитья. Нас обучали созданию одежды, начиная от разработки эскиза и заканчивая пошивом готового изделия. Дизайнер и швея – это две разные профессии, поэтому основной упор делали на дизайне, но параллельно нас обучали навыкам шитья, чтобы мы умели воплощать свои эскизы в жизнь.

Раньше я никогда не занималась шитьем, но когда оказалась в мире манекенов, тканей, выкроек, стежков, катушек и ниток, мне не захотелось оттуда уходить. Я очень многого не знала о дизайне, поэтому жадно ловила каждое слово преподавательницы Ирины Леонидовны, которая щедро делилась с нами своим опытом. Она была стройной блондинкой лет сорока, имела собственное ателье и по совместительству преподавала в кружке. Занятия

проводились два раза в неделю и длились по два часа, и в эти часы я была такой счастливой, что напрочь забывала обо всех проблемах, а в остальные дни постоянно думала о том, чтобы поскорее наступили занятия.

Каждый человек имеет какую-то способность: талант к сочинению музыки, написанию картин, компьютерных программ, кто-то от рождения хороший психолог или искусный оратор, но во всем этом есть важная деталь – одно дело иметь способность, а другое дело эту способность оттачивать и уметь грамотно ею пользоваться. Вот именно этому нас и учили.

Как я уже сказала, на кружок мы ходили почти два года. Записались в десятом классе осенью, а сейчас уже заканчивали одиннадцатый.

В середине марта Ирина Леонидовна сказала:

– Девчонки, у меня есть одна радостная новость. Через два месяца состоится очень важный конкурс. В комиссии будут люди из института – преподаватели и декан факультета дизайна. Скоро вы окончите школу, и, насколько я знаю, многие из вас будут поступать на факультет дизайна. Наш кружок многим помог не просто научиться шить, но и определиться с будущей профессией. Чтобы поступить в институт, помимо сдачи ЕГЭ, нужно пройти творческий конкурс. Победительницам конкурса, которых, кстати, будет двое, декан, Резников Антон Григорьевич, вручит особый сертификат. Он даст право не проходить творческий конкурс.

– Что-о?! – ахнули пятнадцать девчонок. – Два экзамена?!

– Да, две из вас поступят без творческого отбора. На факультете дизайна бывают разные творческие задания – и по рисунку, и по живописи, но мы решили сделать конкурс, связанный с моделированием одежды. Итак, каждой участнице требуется разработать коллекцию из пяти платьев и защитить перед комиссией свой творческий проект. Стиль и фасоны платьев выбирайте сами. Конкурс состоится пятнадцатого мая. Поэтому постарайтесь выложиться на все сто! Каждой из вас я желаю удачи!

С этого дня девчонки погрузились в глубокую задумчивость. И я в том числе, потому что мечтала поступить на факультет дизайна.

Признаться, конкурс внес в коллектив раздор. Некоторые девчонки видели друг в друге соперниц, но лично я решила, что буду вести себя так, как веду всегда. Не хочу ни с кем ссориться и плести интриги. Выиграю – хорошо, проиграю – буду пытаться поступить со всеми экзаменами. Никакой конкурс не стоит того, чтобы люди ссорились. Самое главное – это добрые отношения между людьми.

И моя подруга Вика была того же мнения.

– Подумаешь, конкурс! – говорила она. – Если не выиграем, то будем поступать так, как планировали раньше! Все эти конкурсы – совершенно не повод ругаться!

Я тоже считала так же, и поэтому мы активно помогали друг другу в подготовке эскизов. Я советовала Вике, как улучшить ее эскизы, а она советовала, как сделать лучше мои.

Мы подготовили по пять эскизов разных фасонов, и вот наступил день конкурса, 10 мая. Весна подходила к концу, и чувствовалось, что скоро настанет лето. Солнце пекло уже по-летнему, по вечерам стало тепло, а не прохладно, как ранней весной, но о каникулах мы не думали, потому что это лето будет самым «горячим»: ведь нам предстоит сдавать и ЕГЭ в школе, и поступать в вузы.

Но уже сегодня какие-то две счастливицы получают освобождение от одного вступительного экзамена.

Мы с Викторией поднялись на второй этаж, где располагался кружок дизайна. У меня коленки тряслись от волнения, а вот Вика, наоборот, была очень спокойной. Наверное, именно поэтому мы и дружим – я часто веду себя нерешительно, рассеянно, а Вика, наоборот, смелая и бойкая, и поэтому мы, две противоположности, и притянулись друг к другу. Кроме того, разные мы еще и внешне, – я светленькая, а Вика темненькая.

В кабинете стояла напряженная тишина.

Впереди, возле доски, размещался стол, за которым мы увидели комиссию – трех женщин и мужчину лет шестидесяти, в очках. Видимо, это и был декан Антон Григорьевич.

Мы сели за свои столы. Я занимала парту впереди, а Вика позади меня.

Ирина Леонидовна собрала наши работы и сдала папки комиссии.

Мы притихли, а члены комиссии оживились. Они доставали из папок работы, рассматривали, передавали их друг другу и долго обсуждали каждый эскиз. Параллельно делали в бланках какие-то пометки.

Я боялась даже дышать. Так сильно еще никогда не волновалась. Сейчас, в эти секунды, решается, какие две участницы уйдут домой счастливыми, а какие тринадцать – расстроенными.

Наконец обсуждение закончилось. Декан поднялся и, поправив очки, произнес:

– Дорогие участницы, мы внимательно изучили ваши работы и уже сделали кое-какие выводы. Но для того, чтобы составить полное представление о вашем замысле и назначении той или иной коллекции, мы хотим послушать ваши презентации. Можно, пожалуй, начинать. Кто первый?

Девчонки переглянулись. Никому не хотелось идти первой.

– Ну же, посмелее, мы не кусаемся, – улыбнулся Антон Григорьевич.

– Давайте я, – нерешительно поднялась из-за парты Оля Пахомова и вышла к комиссии. Декан протянул ей работы. Собравшись с мыслями, участница начала: – Меня зовут Ольга Пахомова. Я разработала коллекцию платьев из недорогого, но качественного материала. Кроме того, эти изделия рассчитаны не только на стройных женщин, но также и на женщин с самыми разнообразными типами фигур.

Я внимательно слушала Олю и думала, как представить свои работы. Я разработала коллекцию летних платьев.

Когда только начала придумывать эскизы, то решила, что будет хорошо, если внесу в них разную фурнитуру – застёжки, молнии, пуговицы, резинки, ленты. Но потом засомневалась в своей идее, потому что такие украшения моделей были довольно смелым решением. Я долго терзалась, потому что не знала, оставлять эти детали или нет, и мне очень помогли советы Вики.

Сказать по правде, я не всегда была с ней согласна, но говорят, что со стороны виднее, и поэтому я доверилась ее советам и все убрала. Поэтому теперь мои эскизы были без всякой дополнительной фурнитуры.

– Молодец, Оля, – похвалила участницу Ирина Леонидовна. – Кто следующий?

В кабинете снова повисла пауза.

Но тишину нарушила Вика.

– Давайте я, – вызвалась она и встала из-за стола.

– Удачи, – шепотом пожелала я.

Вика рассеянно улыбнулась в ответ. Представляю, как она волнуется!

Подруга стала возле комиссии и взяла свои работы.

– Виктория Королева, – представилась она.

Несколько секунд Вика постояла в задумчивости, словно решаясь что-то сделать, а потом вытянула из папки первую работу.

– Это повседневное платье-свитер. Оно подходит для зимы, когда, несмотря на холодную погоду, хочется выглядеть женственно.

Комиссия с интересом посмотрела на эскиз.

Я поудобнее устроилась на стуле, улыбнулась и тоже взглянула на Викину работу.

И остолбенела.

Меня обдало жаром.

Я не могла ни шелохнуться, ни вздохнуть. Мне показалось, что сердце перестало биться.

Я была просто в шоке, потому что узнала эскиз!

Это был *мой* эскиз!!!

Глава 2. Птица другого полета

Как я уже сказала, Вика помогала мне в разработке эскизов и говорила, какой набросок хороший, а какой не очень. Так вот, когда я находилась в поиске идей для коллекции, то нарисовала платье-свитер. Но Вика раскритиковала его, сказала, что оно старомодное и комиссия обязательно меня завалит. Я доверилась ее совету, решительно смяла эскиз и напрочь о нем забыла, а вот сейчас вспомнила. Вспомнила, потому что Вика держала в руках эскиз точно такого же платья и разливалась соловьем по поводу его достоинств!

Как она могла! Как она могла так поступить! Она обманула меня! Специально сказала, что мой эскиз плохой, а потом ушла домой и нарисовала точно такой же!

Я во все глаза смотрела на «ее» рисунок.

Внезапно мы пересеклись взглядом. Она запнулась. Видимо, по моему взгляду было все понятно. Но в следующую секунду она взяла себя в руки: отвела от меня взгляд, лучезарно улыбнулась и стала пуще прежнего защищать «свою» идею.

– Замечательно! – восхитился декан, и под впечатлением от работы нетерпеливо попросил: – Виктория, дорогая, пожалуйста, переходите к следующей работе.

– А вот это платье-сарафан отлично подходит для весенне-летнего сезона, – объявила Вика и продемонстрировала следующий эскиз.

В меня словно выстрелили второй раз.

Это тоже была моя идея, которую Вика забраковала.

Сарафан без рукавов и воротника, раскрашенный широкими горизонтальными полосами – верхняя, желтая, плавно переходила в светло-зеленую, светло-зеленая в пастельно-желтую, пастельно-желтая – в светло-оранжевую, и так далее. Я назвала это платье «Радуга». Но Вике оно не понравилось.

Ее мнение было для меня авторитетным, поэтому этот эскиз я тоже отбросила. И вот сейчас с изумлением вижу, что она нарисовала точно такой же сарафан и представляет эту работу комиссии!

– Я назвала это платье «Радуга», – мило улыбнулась Вика.

– Очень занимательное цветовое решение, – похвалил ее декан и посмотрел на аудиторию поверх очков: – Многие модельеры добились успеха не столько созданием новых моделей, сколько подбором удачных цветовых сочетаний. Давайте дальше. Очень любопытная коллекция, не правда ли, коллеги?

Коллеги согласно закивали.

Я приготовилась к третьему «выстрелу» и даже зажмурилась. И правильно сделала. Потому что третья работа тоже была по моей идее. Как и четвертая.

Наконец, остался пятый эскиз. К этому времени я была уже настолько ошарашена, что сидела с каменным выражением лица и без единой эмоции наблюдала за происходящим.

И вот Вика взяла последний эскиз. Но, к моему удивлению, эта работа была не моей, а ее!

Она тоже стала нахваливать этот эскиз, но по лицам членов комиссии было заметно, что в этот раз у них не появилось прежнего интереса.

– Честно говоря, предыдущие четыре работы были лучше, – заметил Антон Григорьевич.

Вика изменилась в лице.

– А почему *эта* хуже?

– Понимаете, Виктория, в предыдущих работах видна оригинальность, свежий взгляд. Предыдущие платья были «живыми». А в пятой работе... как бы это сказать... в общем и целом она неплохая, но когда на нее смотришь, то нет ощущения оригинальности. Эта работа

постоянно что-то напоминает – то, что уже много раз видели раньше. Это как смесь всего уже давно известного. Но вы не расстраивайтесь. Я это сказал только потому, что первые четыре работы очень удачные. У вас большой потенциал, и я просто хочу, чтобы вы поняли свои ошибки. При создании новых эскизов ориентируйтесь на эти четыре работы, они должны быть для вас образцом мастерства. А эту, пятую, положите в стол. Может, как-нибудь потом ее доработаете.

– Хорошо, – процедила Вика и, задумчиво собрав эскизы, побрела на место. Пройдя мимо меня, она даже не посмотрела в мою сторону.

Я хотела развернуться и спросить: «Ну и что это все значит?», но неожиданно Ирина Леонидовна вызвала меня.

– Шура, твоя очередь.

Словно во сне, я встала из-за стола и направилась к комиссии. Мне протянули работы.

Я продемонстрировала аудитории первый эскиз.

Затем сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться и начать презентацию, но внезапно напоролась взглядом на Вику, и слова застряли в горле. Отсюда открывался прекрасный вид на ее парту. Она сидела за столом и, картинно взмахивая длинными накрашенными ресницами, с интересом на меня смотрела.

«Ты меня обманула! – мысленно возмутилась я. Внутри все колотилось и пульсировало. – Ты украли мои идеи и выдала за свои! Это же нечестно!»

На меня выжидающе смотрела комиссия и девчонки.

Пора было начинать презентацию, а я молчала.

«Так, ладно, что мне нужно сказать? Я же специально учила текст! Но с чего он начинался? Не помню...»

Дома я заранее обдумывала речь и даже выписала на бумажку яркие, сочные фразы, которые обязательно нужно было сказать перед комиссией, но сейчас все заготовленные слова напрочь вылетели из головы.

Я усиленно пыталась собраться и сконцентрироваться, чтобы вспомнить первое предложение, но после Викиного поступка в мыслях был какой-то туман.

– Александра, начинай, – поторопила Ирина Леонидовна.

– Меня зовут Шура Баянова, – вымолвила я и замолчала. Не знала, что сказать.

– Не бойся, Шура, расскажи о своих эскизах, – подбодрил декан.

– Это платье... – проговорила я и снова замолчала, увидев за партой Вику, которая сидела с насмешливым выражением лица. – Это платье...

Ситуация настолько выбила меня из колеи, что я даже забыла, как называется стиль этого платья.

– Мы видим, что не брюки, – улыбнулась женщина из комиссии.

Я смутилась и, кое-как собравшись с мыслями, продолжила:

– Я имею в виду, что это платье-майка.

– Это платье-баллон, – шепотом поправила Ирина Леонидовна.

– Ой, точно, платье-баллон!

Преподавательница тревожно посмотрела на меня. «Шура, что с тобой?» – читалось в ее глазах. Но как я могла объяснить, что со мной? Не могу же перед всей аудиторией объявить, что Вика украли мои идеи, и поэтому я теперь двух слов связать не могу и говорю какую-то чушь! Платье-баллон назвала платьем-майкой! Позорище!

На глаза навернулись слезы, и одна слезинка потекла по щеке.

– Шурочка, милая, не переживай. – Ирина Леонидовна протянула бумажную салфетку. – Вот и такое на конкурсах бывает, – неловко улыбнулась она декану.

– Извините... – вытерев слезы, прошелестела я и каким-то сдавленным голосом начала презентацию, если, конечно, этот бессвязный набор слов можно назвать презентацией: – Это... как его там... Что я хотела сказать?.. Это платье-баллон удобно носить летом...

Даже не помню, что я говорила. Все мысли были о Вике.

В конце выступления Антон Григорьевич печально вздохнул:

– Спасибо, садитесь.

Я направилась к столу, но внезапно остановилась.

– А что вы скажете по поводу *моих* эскизов? – набравшись смелости, спросила я.

– Честно? – декан отвел взгляд, словно желая спрятать свое впечатление от презентации.

– Честно.

Он подумал и, осторожно подбирая слова, проговорил:

– Понимаете, Александра, у вас та же ошибка, что и в пятой работе предыдущей участницы. Ваши работы – это как смесь чего-то, что уже давно придумано... К сожалению.

Я кивнула и понуро побрела к своему столу.

Я была опустошенной и разбитой.

Дело в том, что когда рисовала *эти* пять работ, то их тоже активно комментировала Вика. В черновиках, которые я рисовала, было не то, что осталось в конечном варианте после ее советов. Как я уже говорила, в черновиках имелись дополнительные детали – застежки, рюши, резинки и пуговицы, кроме того, я рискнула сделать платья смелого, необычного покроя, с красивыми вырезами, накладками, но Вика сказала, что это смотрится плохо и безвкусно, и давала советы, как улучшить эскизы. Под ее влиянием я убрала дополнительные детали, интересный покрой изменила на более привычный, отказалась от фурнитуры – в общем, удалила все изюминки. Сделала так, как посоветовала Вика. Поэтому то, что я продемонстрировала комиссии сейчас, и то, что рисовала изначально, это совершенно разные работы. По большому счету, то, что я представила комиссии – это уже не мои идеи, а Викины. После ее советов платья стали обычными, пресными и неинтересными. Правильно сказала комиссия – я представила банальные идеи, которые напоминают сотни уже существующих моделей.

Но если бы они видели, какими эскизы были изначально!

Я сидела за столом, но у меня возникло чувство, словно нахожусь где-то не здесь.

Я развернулась к Вике.

– Как ты могла?..

– Что? – будто не поняла она. – Что могла?

– Ты сама знаешь, что.

– Шура, не мешай, дай посмотреть коллекции, неужели тебе не интересно? – сделала замечание она и целиком и полностью переключила внимание на очередную конкурсантку.

Я развернулась обратно.

У меня пропал всякий интерес к этому конкурсу. Я уже не хотела никакой победы. Ничего. Хотелось только поскорее уйти домой. Туда, где все просто и понятно, туда, где нет предателей и лжеподруг. Я потеряла ощущение времени.

– Ну что ж, вот и пролетел наш конкурс. – Декан встал из-за стола. – Мы посоветовались и определились с победителями. Только, прежде чем объявить имена, хотим сказать – девочки, мы вас очень и очень просим – пожалуйста, если кто-то из вас не победил, не расстраивайтесь. Обязательно попробуйте свои силы летом. Комиссия в институте будет в этом же составе. Мы всех вас помним и будем ждать на творческом конкурсе. Ну а две из вас прямо сейчас получают освобождение от одного экзамена.

Все девчонки замерли. Каждая ожидала услышать свое имя.

Воздух звенел от напряжения. Для пущего эффекта не хватало только барабанной дроби.

– По сумме набранных баллов победителями конкурса становятся Ольга Пахомова и Виктория Королева! Поздравляем!

Кабинет разразился аплодисментами.

– Ой, девчонки!.. – поражено сказала Вика и, сияя от счастья, подошла к комиссии.

Я сидела как замороженная. Наблюдала за происходящим словно издалека, как бывает, когда ныряешь в речку и приглушенно слышишь внешние звуки сквозь толщу воды.

Под всеобщие аплодисменты Вике с Олей вручили красивые дипломы в рамках.

Благодаря моим идеям Вика победила.

А благодаря ее советам я проиграла.

Не помню, как все закончилось и как я вышла на улицу.

Пришла в себя только возле остановки. Свежий весенний воздух помог прийти в себя, а яркое майское солнышко рассеяло ощущение мрака, в котором я пребывала.

Я увидела радостную Вику, которая выходила из Досугового центра и держала в руках диплом.

Она тоже направлялась к остановке, чтобы уехать домой.

Но вдруг она увидела, что я ее заметила, и резко затормозила.

Я стремительно подошла к бывшей подруге.

– Ты обманщица! Ты обманула меня!

– Что? Это в чем я тебя обманула? – вскинулась Вика.

– Хватит прикидываться! Ты украла мои идеи!

– С тобой все в порядке? Ты какая-то странная.

– Это *я* странная? Это *ты* странная! Ты отговорила меня подавать на конкурс эти эскизы, а потом взяла и нарисовала точно такие же!

Вика решила изменить тактику защиты и вместо изображения непонимания пошла в наступление:

– А что, только тебе можно платья да сарафаны рисовать? *Ты* их, что ли, изобрела?

– Да! Именно *эти* изобрела я!

– Отстань от меня! Умей проигрывать!

Я открыла рот, чтобы ответить, но вдруг поняла, что все бесполезно. У нее хватило наглости украсть работы, а теперь, глядя мне в глаза, хватается наглости отрицать.

Внезапно я почувствовала жуткую усталость от сегодняшних событий. Голова просто раскалывалась от мыслей, которые не удавалось ни осознать, ни понять.

– Ладно... Живи, как знаешь... Желаю удачи при обучении на факультете дизайна.

Я направилась обратно к остановке. Вика стояла на месте и нервно кусала губы.

– Ты сама во всем виновата! – неожиданно закричала она.

Я обернулась.

– Я виновата? Это *в чем* я виновата?

– В том, что ты *такая!* – сказала Вика и брезгливо оглядела меня с ног до головы. – Я яркая, перспективная и пробивная! А ты!.. Да ты сама подумай – ну зачем тебе это? Кому нужны такие дизайнеры, как ты?

– Какие – такие? – ошеломленно отозвалась я.

– Посмотри на себя! – Она снова окинула меня насмешливым взглядом. – Ты видела, как ты одеваешься? Кто захочет покупать одежду дизайнера, который сам себя одеть не может? Ты видела себя со стороны? Ну на кого ты похожа?

Я смотрела на Вику и не могла поверить, что все это происходит в действительности. Мы целых два года ходили на занятия, я считала ее лучшей подругой, а сейчас видела перед

собой какого-то другого человека, не Вику! Это была не она! Разум отказывался верить в то, что все это говорит моя лучшая подруга!

– И на кого я похожа?.. – потухшим голосом прошелестела я.

– На доярку! – со счастливым выражением лица сообщила Вика. – Не зря тебя так в школе называют! Доярка! И фамилия у тебя подходящая – Баянова! Доярка Шура Баянова! А вот я, ты только вдумайся – Виктория Королева! Чувствуешь разницу? Даже в моем имени и фамилии указано то, что я – Виктория – победительница! И я – королева! А ты – баян! Деревенский баян! – залиvisto рассмеялась она. – Ну зачем тебе на факультет дизайна? Ты ж из деревни сюда приехала! Ты птица совершенно другого полета! Не на дизайн тебе надо, а в сельхозучилище! Тебе нужно не одежду моделировать, а кабачки сажать! Шура, очнись! Посмотри на себя! – Подруга пощелкала пальцами перед моим носом, словно пытаюсь привести меня в чувство. – Эта старая застиранная майка, эти поношенные джинсы!.. И ты еще хочешь быть дизайнером?! Да дизайнер всем своим видом должен показывать пример! Посмотри на меня и сравни с собой! Видишь, какая я?! Видишь?!

– Вижу, – еле шевеля губами, откликнулась я, глядя на шикарную одетую и красивую Вику.

– Ну вот! А какой пример показываешь ты? Пример безвкусицы? Или ты будешь моделировать форму для доярок? Проснись! Возвращайся в свою деревню! В городе тебе не место, запомни! – отрезала она и, звонко стуча каблучками элегантных туфель, подбежала к подъехавшему автобусу, ловко в него запрыгнула и укатила.

У меня перехватило дыхание. Грудную клетку словно сдавливал железный обруч.

Папка с эскизами выпала из рук, и бумаги рассыпались по земле. Ветер подхватил коллекцию платьев и разбросал по всей округе.

На улице не было ни одного человека. Только я. А вокруг эскизы. Один лежал рядом, другой летел по улице, а остальные ветер погнал так далеко, что они приземлились на дорогу, и по ним ездили машины грязными колесами.

Не моргая, я смотрела в одну точку.

И в следующую секунду словно ожила. Грудная клетка задрожала, и из глаз полились слезы. Без преувеличения – горькие слезы.

Так горько, как сейчас, мне не было еще никогда. Меня предала лучшая подруга. Мало того, что она украла идеи, так еще и наговорила кучу гадостей. И я даже не знаю, от чего мне больнее – от того, что она присвоила идеи, или от того, что мы долгое время дружили, а она, оказывается, всего лишь делала вид, что мы подруги, а на самом деле смеялась надо мной.

Неужели она права, и мне, Шуре в застиранной майке, надо оставить свою мечту и даже не пытаться попасть в мир высокой моды?

Глава 3. Кредит

Я родилась в деревне Затеряевка, которая, действительно, будто затеряна в нашей области, она крохотная и состоит всего из пяти улиц.

Наша семья жила, как живет большинство деревенских семей: мы держали корову Зорьку – белую с черными пятнами молочной холмогорской породы, сушили возле двора сено для зимнего корма корове, разводили кур, гусей, возделывали огород. Неподалеку располагался пруд, куда я часто ходила купаться, а за прудом шелестела акациевая роща. Летом лежала на берегу, с закрытыми глазами слушала приятный шум деревьев и ни о каком дизайне даже и не думала.

Вспоминаю деревню, и сердце щемит. Как же я люблю свою родную Затеряевку!.. Люблю стога сена на полях!..

Да, в деревне хорошо, но возникали большие трудности с учебой. В Затеряевке имелась только начальная школа, а когда я перешла в пятый класс, мне приходилось каждый день ездить в соседний поселок, где учились средние и старшие классы. Чтобы успеть к урокам, вставала полшестого. Впрочем, не одна я, но и все затеряевские ученики.

Когда я окончила шестой класс, родители решили – наверное, будет лучше, если мы переедем в город. Мне станет удобнее ходить в школу, потом в институт, а после окончания института подыщу себе работу. Мы решили продать дом в деревне и купить домик в городе. Хотели именно дом, а не квартиру, потому что хоть и уезжаем из деревни, но все равно привыкли жить на земле.

Так мы и поступили. За время летних каникул родители продали дом пожилой семейной паре и приобрели дом в городе – на окраине, где спокойней.

Самой настоящей трагедией было, когда мы продавали корову. Зорьку вели к грузовику, который должен был отвезти ее на ферму, а она упрячилась, не хотела идти и мычала на всю улицу. У меня сердце кровью обливалось. До сих пор помню ее тоскливые глаза, которыми она смотрела на нас, стоя в кузове старого деревенского грузовика, отъезжающего от наших ворот.

В городе было все: гигантские торговые центры, театры, кафе и рестораны, ухоженные улицы, но даже сейчас, спустя несколько лет, я с тоской вспоминаю деревню, где прожила всю свою жизнь.

В Затеряевке мама работала библиотекарем. В городе она продолжила эту работу и нашла библиотеку неподалеку от дома.

Пролетело лето, и в седьмой класс я пришла в новую школу. Мне было тринадцать лет. Одноклассники приняли меня хорошо, я стала со всеми общаться, в том числе и с Викторией Королевой. Но через год произошло событие, которое является самой важной частью истории, что я хочу рассказать.

Когда мы жили в деревне, папа работал водителем-дальнобойщиком. Он уезжал в длительные рейсы на гигантских фурах и иногда по несколько недель отсутствовал дома. После переезда в город папа захотел снова устроиться дальнобойщиком и нашел агентство грузовых перевозок, директором которого был Андрей Васильевич Зарецкий, мужчина папиного возраста.

Поначалу все складывалось хорошо. Папа ездил в рейсы, а спустя какое-то время его даже повысили: Зарецкий вызвал папу и сказал, что понаблюдал, увидел, что он работоспособный, ответственный и порядочный человек. А от Зарецкого как раз ушел деловой партнер, и ему срочно нужен человек, на которого можно положиться. В общем, он уговорил папу стать компаньоном и работать не дальнобойщиком, а в офисе, – заниматься организацией поездок. Подумав, папа согласился. От повышения были только плюсы – теперь он не

ездил в рейсы, чаще бывал дома, да и зарплата оказалась выше. Все шло прекрасно. Папа и Зарецкий часто общались, он приходил к нам в гости, можно даже сказать, что они стали друзьями.

Однажды Зарецкий сказал папе, что фирме пора расширяться и нужно приобрести новую фуру. Но без папиной помощи ему не обойтись. Я не знаю всех тонкостей, как это получилось и как конкретно он «обработал» папу, но в итоге начальник уговорил его взять на свое имя кредит размером два миллиона восемьсот тысяч рублей, чтобы приобрести для фирмы новый грузовик. Зарецкий заверил, что кредит станет погашать фирма, и ему не нужно абсолютно ни о чем волноваться. Родители все обсудили и решили, что Андрей очень хороший и надежный человек, и вскоре доверчивый папа взял в банке гигантский кредит, купил гигантскую машину и записал ее на фирму Зарецкого.

Несколько месяцев ничего не предвещало беды. Зарецкий исправно погашал кредит, но как-то так постепенно сложилось, что с каждым месяцем он стал давать все меньше и меньше денег, объясняя это тем, что якобы наступил мировой кризис, в фирме плохо идут дела, и теперь он не может выделять полную сумму. Для погашения кредита папе пришлось начать добавлять свои деньги. Сначала немного. А потом все больше и больше. Но главный удар ждал впереди: как-то раз папа пришел на работу, и неожиданно охранники преградили ему путь у ворот и не пустили на территорию агентства. «Начальник принял решение о вашем увольнении», – сказали они.

И тут перед папой словно рассеялся туман – он осознал, что Зарецкий просто-напросто его использовал. Чужими руками приобрел для фирмы дорогую машину, повесил на папу кредит и его уволил.

У папы подкосились ноги. Он понял, что теперь на нашей семье кредит размером два с половиной миллиона, и вдобавок ко всему он остался без работы.

Папа переживал. Он начал срочно искать работу, но как назло его никуда не брали. Один удар следовал за другим.

Размышляя над поведением начальника, папа понял, что тот специально втерся к нему в доверие, изображая из себя лучшего друга, но как теперь выяснилось, Зарецкий делал все с расчетом.

Папа пытался с ним встретиться, но на фирму его по-прежнему не пускали, а трубку Зарецкий не брал.

Подошло время очередной выплаты кредита. Папа отказался платить. Но нам пришлось настойчиво названивать из банка, и сотрудники банка даже приходили домой. По всем документам выходило, что кредит взял папа, и формально Зарецкий не имеет к нему никакого отношения. Поэтому папе пришлось продолжать выплачивать долг. До момента увольнения триста тысяч уже было выплачено, но основная сумма, естественно, осталась на папе. Он произвел расчет и сказал, что при благоприятном стечении обстоятельств мы погасим кредит примерно через пятнадцать лет. Пятнадцать лет нам придется выплачивать деньги вместо афериста.

– Валера, не переживай, мы обязательно выкрутимся! – Мама всеми силами старалась поддерживать папу. – Мы будем работать и все выплатим, вот увидишь! Валерочка, я очень тебя прошу, не волнуйся! Деньги – это бумажки. Самое ценное – это здоровье и жизнь человека! Если так все случилось, мы должны это принять и жить дальше. Самое главное, что мы вместе, что у нас есть семья. А кредит как-нибудь выплатим. Заработаем и все погасим.

В конце концов у папы получилось устроиться дальнбойщиком в другую фирму, и, действительно, мы начали потихоньку привыкать к этому кредиту. Но из-за огромной суммы, которая над нами висела, полностью изменился наш образ жизни. Мы стали беречь каждую копейку. В прямом смысле слова. Но прежде чем начать это делать, собрали семейный совет, в котором участвовали папа, мама и я.

– Чтобы нам хватало денег, надо просто их не тратить, – сказала мама. – Нужно не покупать вещей, без которых мы вполне можем обойтись. Нужно не покупать лишнего. Прежде всего, лишнее – это одежда, – постановила родительница. – Есть у нас одежда? Есть. Вот ее и будем носить. А во-вторых, будем экономить на продуктах. Выкрутимся как-нибудь. Обязательно выкрутимся!

– Директор ты наш финансовый, – обнимая маму, улыбнулся папа.

– Перед трудностями сдаваться нельзя! Всегда нужно искать выход! Вот и будем экономить.

И мы стали экономить. Начали питаться как можно скромнее, а одежду покупали очень редко. Только тогда, когда действительно была острая необходимость.

Я старалась надевать каждый день разные вещи, но все же их было ограниченное количество, и поэтому получалось, что хожу в одном и том же. А со временем вещи стали еще и изнашиваться.

Кризис с одеждой совпал с тем временем, когда одноклассницы, в частности Вика, начали буквально расцветать: каждая следила за своим внешним видом, старалась одеваться красиво, а со мной происходило все наоборот: я стала одеваться хуже всех в классе.

Шло время. Миновал год кредита. Я уже училась в девятом классе. К этому времени одежда заносилась, растянулась, потеряла краски и стала блеклой.

Проходили дни и месяцы, а я ходила в одном и том же, если не считать тех редких случаев, когда удавалось купить новую вещь, которая, впрочем, тоже быстро изнашивалась.

Одноклассники начали надо мной подшучивать. Никто из них не знал, *что* происходит в моей семье.

Внешность я имела обычную – простую фигуру, русые волосы, которые часто собирала в хвост, чтобы не мешали работать в огороде, глаза светло-голубого цвета. В принципе я была симпатичной, но самой рядовой девчонкой и ничем не выделялась, ну а простая одежда делала меня еще проще.

Вика же была полной противоположностью: утонченной, яркой шатенкой с ухоженными прямыми волосами с модной «рваной» челкой, зеленые глаза любила подводить черным карандашом, она не стеснялась открыто улыбаться, потому что имела прекрасную белозубую улыбку, ее тонкие пальцы украшали колечки, ну а еще, конечно, она всегда стильно и красиво одевалась. Когда Вика шла по улице, все восхищенно смотрели ей вслед.

Теперь вы понимаете, насколько разными мы были, и можете представить себе картину, когда возле Досугового центра Вика смеялась над моим внешним видом.

Но прежде чем перейти к событиям настоящего, я познакомлю вас с предысторией конкурсного дня, когда Вика украла мои идеи.

Итак, я училась в девятом классе, и однажды неожиданно для всех, в том числе и для себя самой, я начала придумывать одежду.

И произошло это совершенно случайно.

Глава 4. Фартук моей мечты

В девятом классе, осенью, учительница по домоводству ушла в декрет, и в начале второй четверти на ее место пришла новая – Ольга Ивановна. Но мы очень любили прежнюю учительницу, и с новой отношения не заладились. В итоге мы стали хуже учиться, и как следствие – получать плохие оценки. Ольга Ивановна была расстроена. Но как-то раз она пришла на урок, и мы увидели улыбку на ее лице.

– Девочки, в вашем классе объявляется конкурс!

– Какой конкурс? – оживились мы. – А что надо делать?

– Он называется «Удобная работа». Вы будущие хозяйки, и у каждой хозяйки есть дом, за которым она следит. Но очень важно, чтобы во время работы было удобно. Удобно убирать, удобно гладить, удобно делать что-то еще. И вот поэтому пусть каждая из вас придумает что-то такое, что может помочь женщине облегчить ее труд. Победитель получит в четверти «пять»!

После этого заявления девчонки взбодрились. Если раньше мы с Ольгой Ивановной общались нехотя, то сейчас у нее отбоя не было от вопросов. Было понятно, что конкурс она придумала для того, чтобы повысить интерес к своим урокам.

У меня в четверти планировалась четверка, но теперь появилась возможность получить «пять». У Вики была та же самая ситуация.

И вот после этого знаменательного урока я пришла домой и задумалась – интересно, чем можно было бы облегчить хозяйке жизнь? Я пыталась не просто что-то выдумать, а подошла к этому со всей ответственностью.

Я методично перебирала в голове всю домашнюю работу, вспоминала свои действия, мысли, чувства при ее выполнении и вдруг поняла, что постоянно недовольна фартуками. В них вечно чего-то не хватает – то они неудобного покроя, то из неудобного материала, – одни слишком жесткие, другие чересчур мягкие, то у них нет карманов... Я вспомнила, что при работе по дому часто думаю: «Было бы хорошо, если бы фартук был таким-то и таким-то...» – и фантазирую, каким он мог бы быть. И вот сейчас меня озарило: а что, если мне не критиковать чужие фартуки, а взять и самой сшить такой фартук, о котором я мечтаю? Я могу придумать фартук моей мечты!

Я буквально загорелась этой идеей. Размышляла об этом весь день. Фантазию словно прорвало! В воображении вспыхивали десятки самых разнообразных фартуков, на меня хлынул огромный фартучный поток, в котором я чуть не утонула.

Но чтобы не увязнуть в этом болоте из фартуков, я стала отсеивать наименее удачные модели и придумывать одну универсальную модель, которая содержала все полезные детали. И через какое-то время четко сформировался образ фартука, который я хотела бы сшить. Но прежде чем это сделать, взяла лист бумаги, цветные карандаши и перенесла изображение из мыслей на бумагу, чтобы наглядно видеть модель.

Сделав последние штрихи рисунка, я нашла старый фартук, куски ненужного материала и сшила свой собственный фартук. Вот именно о таком фартуке я мечтала всю жизнь! Странно, почему я раньше не додумалась это сделать?!

Наступил конец четверти. Мы пришли на урок и сегодня должны были представить свои работы.

Я представила на всеобщее обозрение удобный фартук, а Вика – свое изобретение.

– Когда женщина занимается по хозяйству, например, готовит еду, то ей могут мешать волосы, – сказала Королева. – Но носить повязку тоже бывает неудобно. Поэтому я разработала специальную прическу для хозяек.

С этими словами она распустила волосы, а затем ловко собрала их в удобную укладку и закрепила несколькими «невидимками».

– Вот это и есть мое изобретение – удобная прическа, – пояснила она.

Ей зааплодировали.

Я тоже аплодировала. Удобная прическа – это действительно полезное изобретение, ведь я сама постоянно собираю волосы в хвост, чтобы они не мешали при работе, но Вика придумала не просто «хвост», а именно прическу, которая была красивой, удобной и легкой в исполнении.

«Обязательно буду делать себе эту прическу! Вика молодец!» – подумала я.

Она имела большие способности к парикмахерскому искусству и каждый день приходила в школу с разными прическами, которые делала сама.

– Девочки, вы все умницы! – сказала Ольга Ивановна, когда участницы закончили представлять свои идеи. – Изобретение каждой из вас будет очень полезно в хозяйстве, но победитель должен быть только один.

Она раздала листочки, и каждая написала имя участницы, которая, по ее мнению, должна победить.

Учительница подсчитала голоса.

– Победителем становится Шура и ее фартук! Поздравляю, у тебя в четверти «пять»!

– Я?! – изумилась я.

– Да! Молодец!

Честно говоря, я считала, что победы достойна Вика, а не я. Конечно, я очень хотела получить «пять», но мне искренне казалось, что Викино изобретение лучше.

– Ольга Ивановна, я очень рада, что всем понравился мой фартук, но если можно, я хочу отдать победу Вике.

– Не надо мне ничего! – вскочила с места Вика. Она была расстроенной и чуть не плакала.

– Но Вика! Мне правда кажется, ты делаешь очень хорошие прически!

– Не хочу я ничего! – наотрез отказалась Королева, она даже раскраснелась. – Ничего мне не надо! Если бы прическа действительно была хорошей, то ее бы выбрали! Но ее не выбрали! Значит, она плохая! Плохая!

– Она не плохая! Просто так получилось... – пробормотала я.

Вика ничего не ответила. Она сидела, насупившись, до конца урока. Правда, потом чувства улеглись, но все равно остался осадок.

Конкурс закончился, но меня не покидало ощущение, что в жизни что-то изменилось. Передо мной словно открылось что-то новое.

Я долго анализировала свои чувства и наконец поняла: когда разрабатывала внешний вид фартука, то была настолько увлечена этим занятием, что погружалась в него с головой, у меня было ощущение, будто это занятие – *мое*, я делаю то, что *должна* делать, я нахожусь *на своем* месте и ничем другим заниматься не хочу. Мне было очень интересно придумывать дизайн.

«Но я уже сделала фартук, у меня больше нет заданий... Мне больше ничего не задавали рисовать... – с грустью подумала я. И неожиданно просветлела: – Ну и что, что закончилась работа над фартуком? Ну и что, что больше ничего не задали? Можно ведь придумывать модели не по чьей-то просьбе, а просто так! И вообще, можно рисовать не фартуки, а просто одежду. Любую, какую только захочу! Хоть юбку, хоть платье, хоть... еще один фартук!»

Это открытие просто потрясло. Меня охватило чувство невероятной свободы; казалось, что передо мной открылся какой-то другой мир.

Я могу придумывать одежду, которую хотела бы носить!

Мне бы очень хотелось иметь вечернее платье. Если бы оно у меня было, то непременно было бы длинным, из струящегося материала, фиалкового цвета, а спереди я украсила бы его аккуратной нежной вышивкой...

Я настолько четко представляла его в своей фантазии, что мне казалось, будто оно существует на самом деле.

Я бросилась к письменному столу, схватила бумагу и карандаши и стала рисовать это платье. Чем дольше рисовала, тем отчетливее представляла, каким оно могло быть «вживую» – каким был бы материал, какие были бы ощущения, если бы я притрагивалась к этому платью, как оно сидело бы на моей фигуре... Рисование настолько меня увлекло, что я просидела за письменным столом до самого вечера.

Наконец отложила карандаши и посмотрела на готовую работу.

«По-моему, нормальный эскиз. Кажется, модельеры-дизайнеры называют рисунок будущего платья именно «эскиз», – вспомнила я, и меня разобрал смех: – Как это смешно: я – дизайнер! Дизайнер Шура Баянова!»

Вслед за этим я представила себе подиум, по которому идут манекенщицы, на которых придуманная мной одежда, и мне стало еще смешнее.

Придуманная мной одежда! Дизайнер! Да мне бы хоть носовые платки научиться шить!

По-прежнему улыбаясь, я направилась в кухню. По пути прошла мимо зеркала и бросила на себя взгляд. Улыбка сошла с моего лица. Я увидела себя: обычную внешность, растянутую старую майку, и мне стало грустно.

Но в следующее мгновение поняла: а что плохого в том, что я хочу придумывать одежду? Что плохого в том, что хочу когда-нибудь сшить себе платье? Право заниматься любимым делом имеют не только те люди, которые хорошо одеваются, но и любой человек! Даже такая обычная девчонка, как я, имеет право заниматься тем, чем она хочет заниматься! Я хочу придумывать одежду, и постараюсь это сделать! Обязательно постараюсь!

И с этого дня все изменилось. Я постоянно придумывала новую одежду, и еле успевала ее зарисовывать. Рисовала везде – и дома, и в школе на переменах. Я каждый день мчалась домой, чтобы поскорее сесть за стол и начать рисовать очередной эскиз или же продолжить старый. Кроме того, всегда носила с собой карандаши и специальный блокнот, в котором делала наброски идей, пришедших в голову в школе, на улице или где-то еще.

Внешне я по-прежнему оставалась простой девчонкой в старой одежде, а в блокнотах имела огромные гардеробы с моделями одежды, которую придумала.

Самое удивительное то, что раньше я не особо любила рисовать, а сейчас вдруг полюбила карандаши и бумагу и уже не представляла себя без этих предметов.

Через год, в сентябре, когда я училась уже в десятом классе, произошло очередное важное событие. К этому времени у меня уже успела скопиться толстая папка эскизов. Если их все сшить, то можно заполнить товаром целый магазин.

Так вот, в сентябре к нам на классный час пришла методистка из Досугового центра детей и молодежи, представилась Людмилой и объявила, что открылись бесплатные кружки по разным направлениям: слесарное дело, вождение автомобиля, кулинария, дизайн одежды и шитье, медицина...

Когда я услышала «дизайн одежды и шитье», то прямо вскочила со стула.

– А можно мне на дизайн?!

Ко мне повернулись удивленные одноклассники. Я редко что-либо говорила, была в школе совершенно незаметной, поэтому любая моя фраза воспринималась как что-то необычное.

– Конечно, можно, будем рады тебя видеть, – улыбнулась работница Центра.

– Я тоже хочу на дизайн! – неожиданно сказала Вика. – Я придумаю много одежды и стану знаменитым модельером! И обязательно открою свой Дом моды! И назову его «Виктория Королева»!

Людмила изучающе посмотрела на Вику.

– Если у человека есть любимое дело, то им нужно заниматься не для того, чтобы стать знаменитым, а просто потому, что по-другому не можешь. И тогда все будет получаться. А если говоришь: «Я хочу моделировать одежду, чтобы стать знаменитой», то лучше за это дело не браться. Нужно стремиться заниматься любимым делом, а не к славе, – подчеркнула методистка и добавила: – А то у нас на курсах бывает, что некоторые мечтают открыть Дом моды, но не умеют даже нитку в иглолку заправить.

– На кого вы намекаете?! – взвилась Вика, тряхнув рваной челкой.

– Ни на кого, – невозмутимо ответила Людмила. – У нас половина девочек мечтает открыть Дом моды, но очень редко, кто мечтает не Дом моды открыть, а просто научиться хорошо шить. Вот *к этому* нужно стремиться, а не к славе. Итак, кто куда записывается?

Когда я впервые оказалась на кружке и увидела примеры эскизов, швейные машинки, катушки ниток, иголки, выкройки и лекала, то почувствовала себя счастливой. А когда услышала звук работающей швейной машинки, мне показалось, что это самая лучшая музыка в мире.

На первом занятии мы познакомились с Ириной Леонидовной.

– Дизайн одежды и шитье – это две разные профессии, но мы их объединили, потому что очень хорошо, когда дизайнер умеет шить то, что сам же и придумал. Основной упор сделаем на дизайне, но одновременно будем учиться шить.

Когда нам стали открываться тонкости дизайна, я поняла, что мне очень многому нужно учиться. Я целый год рисовала одежду просто так, как умела, но, оказывается, нужно стараться не просто рисовать, а рисовать *правильно*, потому что в дизайне есть много общепринятых законов. Одно дело иметь желание и способности к какой-то профессии, а другое дело – уметь мастерски пользоваться своим талантом. Вот именно этому нас и учили. Со временем я узнала, как рисовать эскизы, какие есть законы в придумывании коллекций одежды, научилась разбираться в сочетаниях цветов, в специальных терминах, стилях, фасонах одежды, в фурнитуре и аксессуарах, и кроме того, научилась шить – нам объяснили, как переносить эскиз с бумаги на ткань, делать выкройки, подшивать одежду, и многое, многое другое... Во всем этом я чувствовала себя как рыба в воде, не могла насытиться знаниями, и мне все было интересно.

Итак, благодаря домашнему заданию на домоводстве я нашла свою отдушину и поняла, что именно хотела бы сделать своей профессией.

На кружок я ходила не одна, а вместе с Викой, она тоже записалась. Раньше мы общались не очень часто, особенно после того случая на домоводстве, но теперь стали настоящими подругами: вместе ездили на занятия и обратно, подолгу висели на телефоне, гуляли на выходных.

Однажды я поняла, что Вика как-то неуловимо изменилась. Причем, эта самая перемена была настолько незаметной, что сначала я не могла сформулировать, в чем именно она выражается, но, хорошенько подумав, поняла – подруга перестала делать себе разные прически. У нее по-прежнему были красивые ухоженные волосы, но уже не было тех причесок, какие она мастерила себе раньше. Вот так сильно увлекло ее новое хобби. И неудивительно, дизайн это очень интересно! Она полностью на него переключилась.

Словом, я приобрела не только любимое дело, но еще и подругу. Вернее, я искренне считала, что мы дружим, а оказалось, что на самом деле ее дружба лживая и неискренняя, и я даже подумать не могла, что в конце одиннадцатого класса она украдет мою коллекцию одежды и выдаст за свою.

* * *

Я училась дизайну, была счастлива, но семейная проблема с кредитом не уходила. Мы сэкономили на всем.

В прошлом году, осенью, примерно в то время, когда записалась на кружок, я заметила, что мама стала какой-то загадочной. Когда мы находились во дворе, она задумчиво смотрела по сторонам, словно чего-то ища, но вслух свои мысли не высказывала. Иногда она тяжело вздыхала и тоже ничего не объясняла. Так продолжалось какое-то время.

Как-то вечером папа должен был вернуться из рейса, и мы прибирали во дворе. Я поливала хризантемы – самые главные осенние цветы, а мама подметала сухие шуршащие тополиные листья. Но неожиданно она перестала орудовать метлой и печально посмотрела вокруг:

– Тебе не кажется, что нам чего-то не хватает?.. Как-то у нас пусто...

– В смысле? – не поняла я.

– Ну, двор какой-то неживой...

– Мам, ты о чем? Почему неживой?

– Да так просто, – ответила она и продолжила подметать.

Я удивленно пожала плечами.

Вечером приехал папа, мама приготовила ужин, и, наблюдая за тем, как папа ест, она улыбнулась и сказала:

– Валера...

– У?.. – жуя, отозвался папа.

– Я хочу купить корову, – с сияющими от счастья глазами сообщила мама и попыталась спрятать улыбку, как стеснительная школьница.

Папа поперхнулся жареной картошкой.

– Корову?!

– Шура, Валера! Я по деревне скучаю! – наконец призналась мама. – Здесь в городе все не такое. Молоко не такое, творог не такой, масло не такое. В сливочном масле какое-то пальмовое масло! Вот не понимаю, зачем в сливочное масло подмешивать пальмовое? А помните вкус *нашего* масла, домашнего? Помните, какое оно красивое, желтое?.. – мечтательно вздохнула мама и оживленно продолжила: – Вы только не волнуйтесь! Я уже все придумала! Прямо под домом поляна, здесь можно пасти корову! А еще я заметила, что на рынке нет домашнего молока, сыра, творога! Мы можем продавать молочные продукты!

– Зина, подожди... Это серьезный вопрос... Надо подумать...

Над этим «серьезным вопросом» думал папа недолго. Поужинав, он вышел во двор и внимательно взглянул на кирпичный сарай, оставшийся еще от прежних хозяев.

– В принципе из этого сарая можно сделать коровник. Поставим кормушку, настелим опилок, и там будет жить наша коровка, – ласково сказал папа.

– Так ты согласен?! – запрыгала от радости мама.

– Ну разве можно быть против коровы? – улыбнулся папа. – Шур, а ты что молчишь?

– Молчание – знак согласия, – сказала я.

И через несколько дней мы поехали на ферму выбирать корову. На ту самую, куда при переезде продали Зорьку. До сих пор помню ее глаза, когда она смотрела на нас из грузовика, который увозил ее на ферму...

Коров было много. Мы увидели буренку белого цвета с черными пятнами и одновременно на нее посмотрели. Она была очень похожа на Зорьку. Ну прямо копия!

«А может, это и есть Зорька?..» – с надеждой подумала я.

Но это была не она. В разговоре с фермером выяснилось, что Зорька отелилась три года назад, а эта корова – ее дочь! А сама Зорька уже давно кому-то продана.

Естественно, мы решили купить именно Зорькину дочь и назвали ее Зорькой.

Когда она у нас появилась, мы словно расцвели. Городским трудно понять, что такое иметь корову, многие даже не видели ее живьем, а корова дает очень и очень многое. Не зря на Руси называют коров кормилицами, ведь корова действительно кормит: дает молоко, из которого можно делать сметану, масло, сыр, творог, сыворотку, закваску, простоквашу, все то, что мы едим каждый день.

Коров я вижу всю свою жизнь и не перестаю удивляться этим животным. Хорошая корова дает в день примерно двадцать литров молока!

После приобретения коровы папа стал закупать новые пластиковые бутылки, куда после дойки мы разливали молоко. Знакомые отдали нам холодильник, и в нем мы хранили товар. После дойки одну часть молока разливали в бутылки, а другую использовали для производства молочных продуктов.

С появлением Зорьки наши дела улучшились. Мы стали торговать на местном рынке, и у нас быстро появились постоянные покупатели.

Мама работала в библиотеке во вторую смену, а ранним утром выходила на рынок, но в те дни, когда ей нужно было кого-то подменить в первой смене, за прилавок становилась я.

Сначала все шло нормально. Но однажды случилось то, что рано или поздно должно было случиться – меня увидели одноклассники, и после этого ко мне пристало прозвище Доярка.

Я была поражена их поведением. Для меня стало неприятным открытием, что некоторые городские покатываются со смеху из-за того, что у нас дома живет корова. Они смеются над тем, что на самом деле является нормальным.

Что смешного в том, что у нас корова? Что смешного в том, что мы продаем молоко? Ну да, в городе коровы живут редко, но зачем смеяться?

Но если школьники просто меня дразнили, то Вика причинила большую боль. Уж от кого, от кого, но от нее я такой подлости не ожидала.

Ей казалось, что я ношу скромную одежду именно потому, что родом из деревни, и она не понимала, что я неважно одеваюсь не из-за деревенского происхождения, а потому, что у нас просто нет денег одеваться хорошо.

Глава 5. Первое впечатление и второй удар

Ну вот, теперь вы знаете предысторию сегодняшних событий. В девятом классе я стала рисовать эскизы, в десятом мы с Викой пошли на кружок, а в конце одиннадцатого она украла мои идеи и выиграла конкурс.

На следующий день я пришла в школу. По пути представляла разные картины нашей встречи с Викторией. Наверное, она будет стыдливо прятать от меня глаза, краснеть и смущаться в моем присутствии, но когда я вошла в класс и увидела Вика, то поняла, что никаких неудобств она не испытывает. Королева делала вид, что меня попросту нет. Она скользила по мне взглядом, будто я была прозрачным стеклом, и на ее лице не было даже тени смущения от того, что рядом находится человек, которого она нагло обманула.

Я представила себя на ее месте. Что бы я ощущала, если бы украла у человека идею? Наверное, просто сгорала бы от стыда, меня мучила бы совесть, и я попросила бы у человека прощения. Но Вике, кажется, было совершенно все равно, что я здесь.

Перед первым уроком пришла классная руководительница Ольга Юрьевна, которая к тому же вела у нас алгебру и геометрию.

– В нашем классе произошло радостное событие, – сказала она.

– Нас отпускают с уроков? – оживились одноклассники.

– Даже не мечтайте. Дело в другом. Вика Королева победила в конкурсе, и ее освободили от творческого конкурса при поступлении на факультет дизайнера! Давайте поздравим нашу победительницу! Вика, мы гордимся тобой! Молодец! Мо-ло-дец!

Вика встала из-за парты и кокетливо опустила зеленые глаза:

– Спасибо.

– Вика, расскажи, как у тебя получилось победить? В чем секрет твоего успеха? – с искренним интересом спросила классная.

– В чем секрет моего успеха? – задумалась Королева и, приосанившись, с достоинством сказала: – Просто я много работаю. Вот и весь секрет. Кстати, я диплом принесла. – И с этими словами достала из пакета диплом.

Я сидела с вытаращенными глазами. Она знает, что здесь нахожусь я – человек, которого она обманула, и это нисколько ее не смущает! Говорит, что она просто много работает!

Нереальная, фантастическая наглость!

Но тогда я еще не знала, что будет в дальнейшем. В сравнении с будущими поступками *это* нахальство покажется просто цветочками. Но об этом попозже.

– Вот на кого нужно равняться! Берите с Вики пример! Пользуйтесь моментом! – сказала классная. – Скоро Вика станет знаменитым дизайнером, уедет в Париж, и тогда вы вряд ли с ней увидите!

Вскоре классная ушла.

С этого момента Вика стала центром внимания. К ней все подходили, расспрашивали о конкурсе и рассматривали диплом.

– Вот тебе повезло, Королева! Теперь с поступлением будет меньше проблем!

Вика скромно улыбалась.

– А Шура? Она какое место заняла? – донесся до меня голос одноклассницы Иры.

– Она не прошла, комиссия сказала, что она плохо рисует, – доверительно шепнула Королева. Шепнула так, что услышал весь класс.

Почему-то у меня не колотилось сердце, не разрывали эмоции, мне не хотелось устраивать скандалов. Я просто сидела и смотрела. Была в каком-то оцепенении. В голове не укладывалось – как? Как это может быть? Как человек может обмануть и делать вид, что ничего не случилось?

Больше всего меня огорчало то, что Вика так легко разорвала нашу дружбу. Целых два года я искренне считала, что она моя подруга, а оказывается, наша дружба ничего для нее не значит. Она легко украла мои эскизы и теперь делает вид, что просто меня не знает.

Весь день находилась в задумчивости и очнулась только тогда, когда в классе стало происходить что-то странное.

Последним уроком была физкультура. В нашей школе организована футбольная команда, которая часто выступает на разных соревнованиях. И вот перед последним уроком я заметила, что в классе началось какое-то оживление. Девчонки тайно о чем-то перешептывались, и у них был примерно такой же загадочный вид, как у мамы, когда она надумала купить корову.

– Вы его видели? – шушукались одноклассницы.

– Видели! По школе ходит. А кто он такой?

– Не знаем.

– Интересно, а он к нам надолго?

– Может, это новенький?

– Да ну, какой там новенький в мае?

– А как его зовут, кто-нибудь знает?

Я поняла, что речь идет о каком-то парне.

Мы переоделись. Я надела свой старенький спортивный костюм с зашитой дыркой на коленке, затем все вышли на школьный двор и построились на площадке.

Сегодня было солнечно и тепло. Весело пели птицы. На деревьях блестели молодые майские листочки, еще не огрубевшие и не покрытые пылью.

На груди молодого учителя физкультуры Романа Петровича висел свисток. Он свистнул. Мы притихли.

– Как вы знаете, в последнее время наша футбольная команда показывает очень плохие результаты!

– Да нормальные результаты! – крикнул Коля Филимонов, капитан команды.

– Нормальные?! – возмутился физрук. – Да вы проигрываете уже несколько игр подряд! Мы скатились на предпоследнее место среди школьных команд! Нет, я понимаю, скоро экзамены, у вас большая нагрузка, но что мне делать? Закрывать нашу команду? У меня на ваш счет были большие планы, я думал заниматься развитием команды даже после окончания школы, а вы, как я вижу, хотите остаться просто школьной командой, которая закончит свое существование вместе с окончанием одиннадцатого класса.

– Роман Петрович, не надо нас закрывать! Мы будем играть! И будем выигрывать! – испугался Дима Барсуков.

– Я тоже на это надеюсь, – загадочно улыбнулся учитель, – и даже предпринял кое-какие меры.

– Какие меры? – насторожился Коля.

– В нашей команде появилось подкрепление. У меня есть знакомый футболист, очень талантливый парень, большая надежда нашего города. Я с ним поговорил, и он согласился побыть приглашенным игроком в нашей команде. То есть он будет продолжать заниматься в Молодежном футбольном клубе и по совместительству станет обучать вас футбольной технике.

– Да зачем он нам нужен! – взбунтовался Коля. Видимо, это его задело. – Без него, прям, не сможем!

– Не сможете! Если бы могли, то не проигрывали бы!

– Не нужен нам никакой помощник! – уперся капитан и обратился за поддержкой к друзьям: – Пацаны, ну что вы молчите?!

– Нам и без помощников нормально! – поддержали его футболисты.

Поднялся шум. Парни возмущались, им не хотелось пускать чужака в уже устоявшийся коллектив.

Учитель подул в свисток, чтобы всех утихомирить.

– Не понимаю я вас, честно! Да вы радоваться должны! Усмирите свою гордость! Этот парень может многому вас научить! Воспользуйтесь такой возможностью, он очень хороший игрок!

Но если мальчишки были возмущены, то девчонки заинтригованы.

– А про кого вы говорите? – с интересом, от лица всей женской половины класса спросила Галя. – Кудрявенький такой? Мы сегодня видели его в школе.

– Кудрявенький, – усмехнулся физрук и посмотрел куда-то к нам за спины. – А вот и он, встречайте!

Все повернулись в его сторону.

И девчонки в один голос восхищенно вздохнули.

Наверно, я тоже вздохнула бы, если б у меня не перехватило дыхание. Это был очень симпатичный парень – выше среднего роста, со спортивной фигурой, чуть смугловатый, черноглазый и черноволосый. У него было доброе лицо, слегка опущенные кудрявые волосы, которые завивались в мягкое крупное кольцо, одет в синие шорты, синюю майку и синие кроссовки с желтыми вставками. Еще у него были очень мускулистые ноги – как и у всех футболистов.

А в руках незнакомец держал какой-то пакет.

«Вот это футболист!..» – подумала я.

Девчонки рассматривали его с интересом, а парни с недоверием.

– Всем привет, меня Саша зовут, – улыбнулся он, и девчонки вздохнули повторно. У него оказалась обаятельная улыбка, которая делала лицо еще добрей.

Он подошел к парням, чтобы обменяться рукопожатиями, но на их лицах было нескрываемое недовольство, и они протягивали руки с явным нежеланием.

Саша прекрасно видел их настрой, но ничуть этому не смущался. Он радостно улыбался и буквально сиял. Есть тип таких «сияющих» людей, у которых на лице всегда улыбка, а в глазах радость. Даже когда они серьезны и не улыбаются, то лицо все равно настолько доброе, будто на нем сохранился след от улыбки, которая только что была.

Он каждому пожал руку. Его доброжелательность слегка сокрушила угрюмость новых партнеров по игре, и они стали смотреть на него менее мрачно, но все равно с опаской и настороженно, как на чужака. Особенно вызывающе и ехидно вел себя Коля. Этот парень был жутким провокатором и частенько делал гадости исподтишка. Тогда, стоя на школьном дворе, я еще не знала, что совсем скоро тоже пострадаю из-за его действий.

– Я занимаюсь футболом с четырех лет, – сказал Саша, и мальчишки заинтересованно на него посмотрели. Всего лишь одна фраза дала понять, что он профессионал. Если для одноклассников футбол это хобби, то для Саши, видимо, являлся делом всей его жизни. – Мне повезло, у меня были хорошие тренеры, и они дали очень много знаний. Если хотите, я могу научить вас тому, чему они научили меня.

– Научи! – с сарказмом ухмыльнулся Коля. Неожиданно в его руках появился футбольный мяч, и он безо всяких предупреждений бросил его Саше.

У меня замерло сердце.

Но Саша не растерялся. Он мгновенно бросил на скамейку пакет, с которым пришел, ловко поймал мяч, но не руками, а стопой! – и принялся виртуозно его набивать – и ногами, и головой, и грудью, и плечами, а иногда подныривал под мяч и задерживал его на затылке. Казалось, что сейчас парень потеряет равновесие и мяч соскользнет, но когда мяч уже почти что падал, Саша задорно улыбался, подбрасывал его затылком и снова начинал им лавировать. От этих действий меня бросало то в жар, то в холод.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.